

«Недавно Центральное телевидение вновь показало фильм о мушкетерах. И снова, как и в первый раз, что-то мешало мне до конца принять Михаила Боярского в роли д'Артаньяна. По-моему, создатели картины эксплуатировали здесь больше всего внешние данные певца, его голос. Не больше. Лично мне этот актер очень нравится, считаю, что он способен сделать очень многое и в театре, и на эстраде. В последнее время он стал гораздо реже появляться на теле- и киноэкранах. С чем это связано? Ходят слухи, что он болен, насколько они верны!

М. СЛАВИНА, студентка г. Читы.

Действительно, артист перенес не так давно болезнь. Но неделю назад я уже видел его на сцене в новой работе театра имени Ленсовета «Победительница» по пьесе А. Арбузова. После спектакля ждал его за кулисами. Он стремительно взлетел по лестнице, что-то громко напевая.

— Значит, вы снова в строю, — сказал я Боярскому. — Музыка, пение по-прежнему занимают большое место в вашей жизни. Выходит, правы те, кто считает вас певцом?

— Здесь все вроде бы просто: я драматический артист, — Боярский говорит в своей обычной манере — быстро, нервно, наступательно, — но вот признанные мастера эстрады, у которых всегда хочется учиться, например, Утесов, Высоцкий, — они разве были профессиональными певцами? И разве само по себе консерваторское образование может быть залогом успеха на эстраде? Это я к тому, что в современной эстраде попытки разделить пение на, так сказать, профессиональное и «актерское» выглядят, на мой взгляд, надуманно. Слушателю неважно, кто с профессиональной поющей — ученый Никитин или актер Миронов, ему важно, что и как человек исполняет. Критерии должны быть едиными. То есть, одинаково высокими для всех, кто выходит на подмостки.

Столь строгие критерии к творчеству на эстраде пришили к Боярскому не сразу. Здесь же, в этом театре пять

лет назад мне тоже довелось беседовать с Михаилом перед спектаклем «Снежная королева». Он был уже в эффектных ботфортах с растрюбами и в плаще и так же горячо говорил об эстраде. Так же, но не то же. О строгости, взыскательности к себе речь не заходила.

То был период какого-то невероятного, головокружительного волнения интереса к нему. Он «не сходил» с

телеэкрана, по всем радиопрограммам и со всех дисков звучал его голос. Появился фильм «Мама» с элегантным и очень музыкальным Волком. Критики, рассуждая о том образе, который создал тогда Боярский на эстраде, не без оснований писали об «узнаваемости черт, типичных для молодежи семидесятых». И не случайно, что вслед за признанием возникла и мода на Боярского — точнее на некий романтический облик современного д'Артаньяна с гитарой в руках вместо шпаги. Атрибуты моды, увы, беспощадны — появились сумки, кошелек и брелоки «с Боярским». Сам он к этому не имел, разумеется, никакого отношения — возмущался, негодовал.

Но мода повлекла за собой и лавину приглашений на концерты, в гастрольные туры. Это испытание оказалось куда более коварным, ибо на сей раз чувства опасности у Михаила не вызывало. Опытенный славой, он не сумел удержаться на уровне подлинного творчества — попросту «тиражировал» себя в бесконечных, бесчисленных концертах.

Главный режиссер театра, где работает Боярский, на-

родный артист И. П. Владимиров как-то публично признался:

— Ведь не то плохо, что Боярского часто приглашают сниматься, а то, что каждый раз ко мне приходит режиссер или директор будущей картины и с горящими от восторга глазами говорит: «Игорь Петрович, отпустите, пожалуйста, Мишу! Вы знаете, что мы для него придумали: этого еще никогда не

✦ ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

МИХАИЛ БОЯРСКИЙ: ВЕЧНЫЙ Д'АРТАНЬЯН?

было. Представьте, в картине он поет в сопровождении ВИА...» И говорит это так, как будто Миша никогда не пел в сопровождении ВИА.

— Пожалуй, особенно резко критиковали фильмы «Куда он денется», где вам пришлось петь аж верхом на тракторе, — напомнил я Боярскому.

— Этот откровенно слабый фильм оказался для меня лично — не считите за парадокс — важным. Я и раньше сотрудничал с молодым композитором Максимом Дунаевским. Но именно здесь ему особенно удалась музыка, и мне были предложены вещи, как тогда казалось, совсем для меня иные, «не мои». И стало ясно, что в нашем содружестве с Дунаевским появилось что-то новое.

— Но после съемок или гастролей вы возвращались в родные театральные стены...

— ...И здесь, как в школе, надо было наверстывать пропущенное, догонять. Сравнение со школой — не для красного словца. В большинстве спектаклей мне посчастливилось быть на сцене партнером Алисы Бруновны Фрейндлих. А у нее высшая школа отношения к работе, собранности, наблюдательно-

сти! Она так естественна, так вживается в образ, что малейшая фальшь партнера сразу становится заметной. Конечно, это трудно — играть с таким партнером.

Последняя работа Боярского в театре — Кирилл из пьесы Арбузова «Победительница». Внешне даже несколько грубоватый человек, но на самом деле под маской напускной беззаботности он переживает тонко и глубоко, он

способен на настоящее большое чувство. Возможно, поклонники широко известной жесткой, резкой манеры пения Боярского на эстраде будут даже шокированы тем, как его герой здесь поет частушку, аккомпанируя себе на балалайке. Но в спектакле дорогого стоит именно такое вот пение, внешне непритязательное, но берущее за душу.

Итак, у Боярского — театральное актерство — стала постепенно вырисовываться своя тема: глубинное исследование характера современного человека.

— Ну, а на эстраде у вас теперь есть своя тема?

— Пока нет. Мой эстрадный репертуар целиком состоит из того, что я либо пел в ролях, либо озвучивал. Специально для эстрады до сих пор ничего не готовил. Этим и объясняются вопросы: почему, мол, мало пою нового? И вот лишь недавно вместе с М. Дунаевским мы впервые решили подготовить цикл песен для эстрады. Работа эта идет, но конкретно говорить о ней рано. Наверное, цикл будет иметь свой сюжет или драматургию и, может быть, составит отдельный диск.

Кто же все-таки сегодня Боярский — актер или певец? Этот вопрос я задаю Игорю Петровичу Владимирову за несколько минут до начала репетиции «Трехпрошовой оперы» Бертольда Брехта.

— Миша живет напряженной двойной жизнью, — говорит режиссер, — поскольку он и певец и актер. Думаю, в этом нет ничего плохого. Мы, конечно, упорно перетягиваем его на свою сторону и также упорно доказываем зрителям, да, наверное, и ему самому, что он еще сделал в театре далеко не все, а способен очень многое. Радостно, что шумный успех на эстраде, концерты, на которые действительно невозможно попасть, не заслоняют теперь у него истинного представления о тяжелом актерском труде. Аплодисменты, которые он заслужил в последних сценических работах, верное тому доказательство. Но театр всегда словно книга с продолжением. Любая победа остается во вчерашнем дне, а надо идти дальше. И вот теперь Брехт, Боярский готовит главную роль — Меккиножа. И вроде все его обаяние, все внешние данные соответствуют образу. Но в этом и опасность, слишком близко, на поверхности лежит тогда решение. А ведь роль эта обязательно политическая. Мекки — делец, он расчетлив и рационален. Как точно надо соблюсти здесь все пропорции!

Главный режиссер уходит на репетицию. И я слышу: началась песня, и не соло — в хоре вместе с другими звучащий знакомый, с хрипотцой, голос Михаила Боярского...

А. ГЕРВАШ.

(«Комсомольское знамя»).

Комсомолец Забайкалья
г. Чита
7 ОКТ 1983